

Доктор Роберт А. Петерсон, Откровение и Писание, Сессия 1, Историческое введение, Дженсен, Откровение Бога, Просвещение и христианский ответ

© 2024 Роберт Петерсон и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роберт А. Петерсон в своем учении об Откровении и Священном Писании. Это сессия 1, Историческое введение, Дженсен, Откровение Бога, Просвещение и Христианский ответ.

Мы приглашаем вас на наши лекции по Доктринам Бога и Священного Писания.

Пожалуйста, присоединяйтесь ко мне в молитве открытия. Милостивый Отец, мы благодарим Тебя за то, что Ты открыл Свои святые уста и изрек Свое слово. Ободряй нас во время этих лекций; мы молимся, чтобы учиться у Тебя, радоваться Твоему откровению, как общему, так и особому, и особенно, чтобы обновить нашу приверженность Тебе и Твоему святому слову. Благослови нас, молим, через Иисуса Христа, Господа нашего. Аминь.

У меня есть как библейское, так и историческое введение к этим лекциям о доктринах Божьего самораскрытия, дающего о себе знать, которые достигнут кульминации в том, что Он особенно явит себя в Своем письменном слове.

Историческое введение написано Питером Дженсенем, известным австралийским церковным лидером и теологом евангелического толка. Он написал книгу *Contours of Christian Theology* об откровении Бога. Он говорит, что у меня есть книга, которая, насколько я помню, была первой критической работой, которую я когда-либо читал.

Это подборка и перевод Джозефом Маккейбом произведений великого французского рационалиста XVIII века Вольтера. Что меня больше всего поразило, так это блеск нападок Вольтера на Библию и христианство. Я был воспитан с традиционным уважением к обоим, и это едва пережило презрение Вольтера.

Цитата в цитате, цитируя Вольтера, пусть великий Бог, который меня слышит, Бог, который, конечно, не мог родиться от девушки, умереть на виселице, быть съеденным в куске теста, и не мог вдохновить эту книгу с ее противоречиями, глупостями и ужасами. Пусть этот Бог, создатель всех миров, сжалится над сектой христиан, которые его поносят. Уф, закрываем цитату.

Вольтер не довольствовался тем, что критиковал христианскую доктрину за ее глупость. С такой же суровостью он также критиковал писания, нападая не только на их мораль, но и на их достоверность. «Я недостаточно сведущ в химии, — заметил он, — чтобы спокойно иметь дело с золотым тельцом, который, как говорится в Исходе, был создан за один день и которого Моисей превратил в пепел. Это два чуда или две возможности человеческого искусства?»

Встреча с Просвещением. Хотя я тогда этого не знал, говорит Дженсен, меня посвящали в мудрость одного из величайших интеллектуальных движений современной истории — Просвещения.

В руках такого литературного мастера, как Вольтер, я испытал силу критики, которая подвергает сомнению веру враждебным образом на протяжении более 200 лет. Несмотря на многочисленные разногласия, характерные для христианской доктрины ко времени Вольтера, среди христиан существовало принципиальное согласие в том, что Библия является особым откровением от единого истинного Бога и по праву называется Словом Божьим. Также было решено, что существует общее откровение Бога через сотворенный мир, хотя мнения расходились относительно того, в какой степени это истинно.

На самом деле Библия — это религиозное произведение, и оно может быть понято грешными людьми. В любом случае, однако, христианство считалось обладающим исключительной авторитетной и спасительной способностью приводить грешников к отношениям с Богом. Со своей стороны, Вольтер не был атеистом.

Когда он предложил доказательство существования Бога, его рассуждения основывались не на откровении, а на своего рода естественной теологии. Мы говорим здесь на строго философском языке. Цитируя Вольтера, мы говорим здесь на строго философском языке.

Не наше дело даже взглянуть на тех, кто использует язык откровения. Закрывать цитату. Вопросы, поставленные Просвещением, были такими.

Обладает ли христианство особым откровением от Бога? Не лучше ли было бы сохранить религию в рамках человеческого разума? Что мы можем узнать о Боге, используя только человеческий разум? Можем ли мы поверить, что чудеса Библии и истории церкви являются подлинными в свете критической истории? Можем ли мы поверить в утверждение, что Библия вдохновлена, когда она содержит так много невероятных историй и безнравственных учений? Критические аргументы таких мыслителей, как Вольтер, значительно подорвали доверие к христианскому учению. По иронии судьбы, хотя мы все еще называем

любой авторитетный учебник Библией, это использование просто отражает рудиментарные остатки его прежней подавляющей популярности. Когда дело доходит до самой Библии, мнение Вольтера во многом восторжествовало.

Когда позже я обратился к изучению теологии, пишет Питер Дженсен, я познакомился с мощным набором возражений против использования естественной теологии как таковой. Дэвид Юм, с 1711 по 1776 год, нападал как на естественную, так и на богословие откровения. Он отказался признать, что аргумент о Боге из мира, аргумент о Боге из мира, имеет какую-либо убедительную силу.

Далеко не приводя к выводу, что был один суверенный создатель неба и земли, было бы более оправданно заключить, что политеизм истинен или что сила Бога ограничена немощью. Мир, утверждал он, может быть понят как существующий, и здесь мы цитируем скептика, шотландского скептика Дэвида Юма: «Мир понимается как существующий очень несовершенным и несовершенным по сравнению с высшим стандартом, и был только первым грубым опытом некоего младенческого божества, которое впоследствии отказалось от него, стыдясь своего хромого исполнения. Это работа только некоего зависимого низшего божества и является объектом насмешек для его высших. Это продукт старости и слабоумия в некоем сверхъестественном божестве, сверхжегодном божестве, и с тех пор, как он умер, он продолжал бежать в приключениях от первого импульса и активной силы, которую он получил от него».

Ого. Юм был еще меньше удовлетворен претензиями на откровение, чем Вольтер.

Он сосредоточил свои нападки на чудесах, поскольку они были неотъемлемой частью как содержания, так и обоснования богооткровенной религии. Чудеса в Библии настолько распространены, и христиане так часто обращались к чудесам как к средству подтверждения религии, что выбор чудес для философского исследования был особенно показательным. С точки зрения Юма, чудеса были принципиально невозможны, потому что они нарушали последовательные законы природы.

Поэтому он утверждал, что никогда не может быть достаточно доказательств в виде человеческих свидетельств, чтобы историк поверил в чудо. Он завершил свое рассуждение о чудесах, посоветовав христианам придерживаться представления о том, что их религия основана на вере, а не на разуме, и он призвал разум подвергнуть религию испытанию, которое она не сможет выдержать. С острой иронией он заканчивает следующими словами, снова цитируя Юма: христианская религия не только изначально сопровождалась

чудесами, но и по сей день не может быть уверована ни одним разумным человеком без одного из них.

Простого разума недостаточно, чтобы убедить нас в его правдивости, и тот, кто движим верой, чтобы согласиться с ним, осознает продолжающееся чудо в своей собственной персоне, которое ниспровергает все принципы его понимания и дает ему решимость верить в то, что больше всего противоречит обычаю и опыту, близкая цитата. Ого, я привлек ваше внимание? Триумф Просвещения, причина начала этого обсуждения Откровения таким личным образом, пишет Питер Дженсен, заключается в том, что мой опыт иллюстрирует в микрокосме одно из главных последствий Просвещения и демонстрирует его непреходящее значение, несмотря на множество других культурных движений, которые последовали за ним. Когда мне в руки попали труды Вольтера, а позже, когда я столкнулся с мыслями Юма, они были глубоко вызывающими.

Вольтер сделал христианскую веру настолько нелепой и ограничивающей, что вряд ли стоило продолжать ей верить. Не случайно и Вольтер, и Юм были особенно известны в свое время как историки. Новое настроение антисверхъестественности проникало в изучение истории, и вместе с критическими исследованиями, которые предпринимались в отношении происхождения и природы Библии, старая ортодоксальность подвергалась сомнению в самом ее основании.

Аргументы Просвещения были еще более обострены вечно привлекательным посланием о том, что человек является мерой всех вещей. Человеческий разум был каноном суждения, человеческая свобода была главной добродетелью, а человеческий прогресс против суеверий и необоснованных авторитетов был программой. Современность предполагает истинность этих утверждений, и мало кто из современных западных людей полностью свободен от их увлекательных пут.

Мыслители эпохи Просвещения вели интеллектуальную борьбу против церкви и государства по вопросу человеческой автономии. Поскольку и церковь, и государство обращались к Библии для оправдания своего авторитета, неудивительно, что Библия стала предметом споров. В конце концов, все движение, представителями которого являются Вольтер и Юм, достигло, помимо прочего, ошеломляющей победы над христианской верой.

Христианство утратило свой интеллектуальный, социальный и духовный авторитет, особенно в протестантской Европе. По мнению Бернарда Рама, цитата, смертельная рана, Бернард Рам был евангельским теологом, смертельная рана, нанесённая Просвещением протестантской ортодоксии, была ошеломляющей, и от неё никогда не было полного исцеления, близкая цитата. Колин Гантон, другой евангельский мыслитель, замечает, что

«существенные аспекты современной культуры основаны на отрицании христианского евангелия».

Труды Вольтера и Юма были двумя корнями радикальной мысли в 18 веке, которые достигли меня в конце 20 века. Они были, конечно, частью гораздо более широкой истории, которая включала таких великих и разнообразных мыслителей, как Локк, Спиноза, Кант и Гегель. Даже в 17 веке философы и теологи начали занимать позиции, которые радикально изменили место, согласно Библии, в церкви и культуре.

Кроме того, в 19 веке произошло столкновение; некоторые называли его войной между откровением и наукой, что имело значительные последствия для авторитета религии и откровения. Дарвинизм, по-видимому, нанес смертельные удары библейским историям о сотворении мира и любой концепции порядка в творении, то есть как частному, так и общему откровению. В то же время сложность и разнообразие человеческого мира проявлялись способами, которые немедленно вызвали вопросы о любой системе, которая претендовала на абсолютную или уникальную.

В конце концов, такие идеи, как библейское откровение, общее откровение и естественное богословие столкнулись с враждебностью, не только со стороны философии, но и со стороны дисциплинированного изучения истории, антропологии, религии и науки. Нам достаточно вспомнить такие имена, как Маркс, Дарвин и Фрейд, чтобы осознать степень культурного разочарования в откровении. Христианские ответы на кризис Просвещения, я готов поспорить, вы ждали этого : нападение на его претензии на обладание уникальным откровением Бога бросило вызов христианской вере в наиболее чувствительной точке.

Обычная реакция, по крайней мере среди западных интеллектуалов, заключалась в согласии с критикой, ведущей к неверию. Утрата интеллектуального статуса христианства является яркой чертой современного периода. Верно, что за последние 200 лет произошло одно из величайших миссионерских расширений Церкви.

Перевод, публикация и распространение Библии сами по себе представляют собой необычайное историческое явление. То же самое касается и продолжающегося интенсивного академического изучения ее страниц. Библия не только не полностью дискредитирована, но и является самой часто печатаемой книгой в мире.

Тем не менее, следует сказать, что давление, оказываемое секуляризмом на интеллектуальные утверждения христианства, было интенсивным. Неудивительно, что они способствовали как потере членства, так и

значительным напряжениям и напряжённостям внутри самого христианского сообщества. Разделения между конфессиями стали менее значительными, чем разделения между теми, кто принял разные стратегии для решения проблемы современности.

Центральным вопросом была теологическая оценка Библии. Некоторые продолжали отстаивать традиционную точку зрения, что Библия вдохновлена Богом и, следовательно, является прямым самооткровением Бога. Как мы видели, Бернард Рамс говорит о ране, нанесенной протестантской ортодоксии, цитата, от которой никогда не было полного исцеления, близкая цитата.

Но он также отмечает, что как будто чудом цитата умудрилась выжить, близкая цитата. Самым заметным, но не единственным представителем этой позиции был североамериканский теолог Карл Ф. Х. Генри, чья авторитетная шеститомная работа по Откровению продолжает привлекать серьезное внимание. Он является одним из первых евангельских христиан, получивших докторскую степень по философии в уважаемом общественном неверующем университете, Бостонском колледже, а затем оказал огромное влияние на основание Christianity Today, Евангелического теологического общества и в целом, продемонстрировав, что человек может быть мыслящим евангельским христианином и одновременно ученым, и не прятаться от интеллектуальных атак и т. д., и, кроме того, делать это с любезной христианской манерой, что также является заслугой Карла Генри.

Такие консервативные христиане не считали себя обязанными воспроизводить точные мысли своих предшественников. В доктрине Писания и в понимании его учения наблюдалось развитие. Они проявили готовность включить богатство информации, полученной из древнего мира, его языков и его обычаев, что можно считать одним из положительных плодов Просвещения.

Кроме того, такие толкования Откровения всегда отстаивали концепцию всеобщего откровения. Обычно оно следует линиям, изложенным Жаном Кальвином, а именно, что есть откровение от Бога в природе и в сердце, но оно подавляется, делая получателя и невежественным, и виновным. Большинство тех протестантов, которые серьезно размышляли об Откровении, однако, выбрали другой курс.

Естественно, они сохраняют глубокое уважение к Писанию, особенно к новозаветному свидетельству Иисуса Христа. Без такого уважения религиозной системе трудно оставаться христианской в каком-либо, кроме как в самом номинальном смысле. Однако было принято подавляющее решение переместить главный локус Откровения из Библии.

Эмиль Бруннер, например, ссылается на «фатальное уравнение Откровения с вдохновением Писания». Вдохновение теперь обычно понимается либо в смягченном виде, либо как просвещение принимающего агента. Основная цель этих переосмыслений двояка: спасти откровение Бога и спасти свидетельство Писания.

Если Библия содержит моральные и исторические дефекты, выявленные такими писателями, как Вольтер, ее нельзя слишком прямо идентифицировать как откровение от Бога. Ее не следует называть вдохновенным Словом Божьим. Однако было бы неправильно считать эту переинтерпретацию просто оборонительной.

Для многих сторонников это также дало возможность отсечь то, что они считают неудачными элементами традиционной теории, и заменить их чертами, которые более справедливо отражают природу вовлеченных человеческих и божественных личностей. Таким образом, они часто отвергают пропозициональное откровение как интеллектуалистское и подчеркивают опыт божественно-человеческих встреч. Они часто отдают предпочтение динамическому откровению, сосредоточенному на исторических деяниях Бога, а не на статическом наборе слов.

Кроме того, они считают, что старые теории не в полной мере соответствуют многообразной природе Писания. Кроме того, они в значительной степени симпатизируют взгляду, что откровение никоим образом не ограничивается религией. Они также в большей степени симпатизируют, чем их предшественники в течение некоторого времени, в отношении позитивных возможностей для христиан общего откровения и естественной теологии.

Естественно, существуют значительные различия между предлагаемыми типами теологии откровения. В целом можно сказать, что XIX век был под влиянием Фридриха Шлейермахера, отца либерализма, а XX век — Карла Барта, отца неоортодоксальной теологии. Некоторые, следуя примеру Шлейермахера, найдут средоточие откровения в человеческом опыте Бога, что, безусловно, и было у Шлейермахера.

Другие, как Барт, выступают против этого якобы человекоцентричного подхода и будут говорить об Иисусе Христе как о едином слове Божьем, о котором свидетельствуют писания. Но есть и заметные альтернативы, представленные такими учеными, как Вольфхард Панненберг, который говорит об откровении в истории и через историю и эсхатологию. Римско-католический теолог Эвери Даллес предложил таксономию не менее пяти моделей откровения, используемых в современной теологии.

Он говорит об откровении как доктрине, в которую он включает Карла Генри и других протестантских и католических писателей, откровении как истории, откровении как внутреннем опыте, откровении как диалектическом присутствии, неоортодоксии и как новом осознании. Несмотря на разнообразие, он предлагает определение, которое, цитата, вероятно, будет приемлемым для многих приверженцев каждой модели. Это римско-католический ученый Эвери Даллес.

Его предложение звучит следующим образом. Откровение — это свободное действие Бога, посредством которого он сообщает спасительную истину сотворенным умам, особенно через Иисуса Христа, как это принято Апостольской Церковью и засвидетельствовано Библией и продолжающимся сообществом верующих, близкая цитата. Его предложение успешно отражает ряд акцентов, которые можно найти в большинстве современных трактовок откровения.

Неудивительно, учитывая, что Даллес пишет как католик, что акцент падает на церковь больше, чем в соответствующем протестантском отчете. В протестантской систематической теологии, особенно затронутой неоортодоксальным движением 20-го века, похоже, есть три акцента, которые остаются довольно постоянными, поскольку мыслители трудились над оправданием и объяснением откровения. Некоторые, но не все, из них можно найти в резюме Даллеса.

Каждый элемент был выкован в убеждении, что мы больше не можем апеллировать к Библии как таковой, чтобы она была самим откровением, и, следовательно, отражать некоторую реакцию на такой подход. И в течение следующих нескольких минут этой лекции я собираюсь рассказать о резюме Питера Дженсена этих трех особенностей неоортодоксальной теологии. Откровение как событие, откровение как самоотдача и особенно откровение как Иисус Христос.

Откровение как событие. Во-первых, сознательно разрывая со старыми взглядами, которые отождествляли откровение со словами Библии, многие современные теологи утверждают, что откровение — это действие Бога, событие, эпизод. Даллес стремится уловить этот элемент, используя фразу свободное действие в своем определении откровения.

Принимая этот взгляд на откровение, теологи, прежде всего, защищают свободу Бога. Дэниел Л. Мильоре говорит о библейских эпизодах и добавляет: «В то время как Бог действительно раскрывается в этих событиях, божественная свобода или сокрытость никогда не растворяется. Цитируя его, Бог не перестает быть тайной в случае откровения » .

Вопреки тенденции теологии 19-го века рассматривать Бога как нечто неизбежное, как присутствующее в его мире, более поздние теологи подчеркивали его трансцендентность и, следовательно, его свободу быть Богом. В этом они следуют Карлу Барту и неоортодоксии.

Откровение должно рассматриваться как дар, возникающий из свободной инициативы Бога и, таким образом, соответствующий как его благодати, так и человеческой потребности. Откровение находится в его руках, а не в наших. Мы не можем его контролировать, требовать или организовывать.

Если мы определяем книгу, даже Библию, как откровение, мы утверждаем свою власть над Богом и принимаем фарисейский подход, ценя букву, но не дух, с большой буквы С. Рассматривая откровение как событие, мы думаем о Боге в Библии так, как это более верно самой Библии. Далекая от того, чтобы быть справочником вечных истин, Библия в первую очередь является повествованием о могущественных делах Бога, посредством которых он спас свой народ и идентифицировал себя для него. Говорят, что мышление об откровении как о событии имеет и другие преимущества.

Это также соответствует тому, как эта концепция часто встречается в Библии, будь то в греческой или еврейской форме. Этот термин не используется в Библии как в книге, например, но скорее в встрече между Богом и людьми, посредством которой Бог дает им знать о себе. Он часто имеет эсхатологический компонент, в котором явление Христа в конце века называется откровением.

Он также используется для описания того, что Бог делает в мире, будь то естественный мир или мир человеческих дел. Человек может получить откровение, или это может быть что-то, чем должны обладать все. Более того, идея о том, что откровение — это событие, соответствует необходимости думать о нем в более широком смысле, чем тот, что содержится в Библии.

Он поднимает тему опыта откровения, например, чувства присутствия Бога, которое ощущают многие люди, как христиане, так и нехристиане, и позволяет нам исследовать сообщения об откровении в других религиях. Он также позволяет сделать акцент на нынешней просветляющей и вдохновляющей работе Божьего Духа, которую более ранние теории откровения затмевали. Итак, первый акцент современных, особенно неоортодоксальных взглядов на откровение, заключается в том, что это событие и его не следует отождествлять со словами Библии.

Во-вторых, это самоотдача. В современной теологии также много внимания уделяется истине о том, что наше знание Бога является относительным. В этом смысле концепция Дугласа о том, что Бог, цитата, сообщает спасительную

истину сотворенным умам, закрытая цитата, будет считаться бесполезной, поскольку она возвращается к тому, что можно назвать суждением или интеллектуалистским взглядом на откровение, в котором вера рассматривается как принятие определенных истин на основании авторитета кого-то другого, а само откровение в первую очередь рассматривается как совокупность явленных истин.

Что касается современной протестантской теологии, то это неверное понимание истинной сути христианской веры. По сути, христианство занимается отношениями, и особенно встречей Бога и людей. Интеллектуалистский подход оставляет людей на расстоянии вытянутой руки, так сказать.

Нам нужна не столько коммуникация истин, сколько коммуникация личностей. Не случайно, что центральным пунктом откровения является личность, Иисус Христос. Суть христианства — это наши отношения с ним, а не, по сути, с набором слов о нем.

Как писал и цитировал Эмиль Бруннер, мы свободны; мы здесь, больше не озабочены отношениями на словах, а личными отношениями. Мы больше не довольствуемся тем, чтобы верить в это, но наша забота — прийти к нему, довериться ему, объединиться с ним и сдаться ему. Откровение и вера теперь означают личную встречу, личное общение, близкая цитата.

Откровение — это событие; откровение — это самоотдача, самоотдача откровения Бога как Иисуса Христа. Личность Иисуса теперь заняла место Библии как содержание христианского откровения. По словам цитаты Роберта Моргана из трехчастной формы Слова Божьего Барта, только воплощенное Слово может быть по праву названо божественным откровением.

Его тройная форма Слова Божьего — Христос есть Слово; производно Библия и проповедь Слова также называются Словом. Когда откровение считалось набором непогрешимых истин в Библии, существовала постоянная тенденция превращаться в учебник по всем видам предметов. В частности, Библия была источником моральной информации.

В таких списках, как Декалог и Заповеди блаженства, она давала удобные руководства для хорошей жизни. Библия также считалась содержащей превосходную науку и историю, и достижения в любой из сфер проверялись ее учением. Аналогичным образом, Библию рыскали в поисках подробной информации о будущем.

Опустошение, вызванное Просвещением, было отчасти наследием такого рода злоупотребления Библией. Неправильная оценка ее природы привела к злоупотреблению ее словами и пренебрежению ее реальным значением. Если

что-то и ясно современным протестантским теологам, так это то, что нет пути назад к восстановлению Библии как вдохновенного и непогрешимого Слова Божьего в первичном смысле.

Нужно ли мне говорить моим слушателям и наблюдателям, что я верю, что Библия — это непогрешимое откровение Бога, вдохновенное самими словами Бога, которые также являются человеческими словами, что приводит нас к пониманию Библии как проявления благодати Божьей, но это на потом. Но я верю в это. Однако я нахожу это историческое введение стоящим, чтобы побудить нас к размышлению, полезным для нас, чтобы мы учитывали образ мышления наших соседей и других, когда мы приближаемся к ним, и в целом просто смиряющим, ставящим нас на наше место, которое мы рассмотрим более подробно, когда доберемся до библейского введения в учения о Боге и Священном Писании.

Однако этот вывод позволяет ясно понять истинную природу откровения. Она состоит из того, о чем, собственно, и повествует Библия, а именно, об Иисусе Христе. Он — откровение Бога.

Некоторые хотели утверждать, что он один является откровением Бога и что все другие предполагаемые откровения о нем берут свое значение, положительное или отрицательное, исключительно от него. Другие, как в предложении Даллеса, предпочитают говорить в особенности об Иисусе Христе как о локусе откровения. Таким образом, Кит Уорд также описывает воплощение Бога в Иисусе как центральный акт откровения Бога.

Есть Бог как действие, Бог как самоотдача и Бог как Иисус. Откровение — это все эти три вещи. В любом случае, ясно, что эпистемологический вес, который когда-то несли Библия, природа и традиции церкви как источники откровения, во многих описаниях откровения теперь несет Иисус Христос.

Он — послание, Слово Божие, именно этот титул ему дал Иоанн 1, 1-3, которым должны быть проверены все остальные слова. У этого фокуса есть несколько преимуществ. Во-первых, он имеет преимущество в том, что он соответствует тому, что говорит и о чем говорит сама Библия.

Послание первых христианских проповедников и Нового Завета можно справедливо суммировать как Иисуса Христа. Более того, оно делает самого Христа посредником, каковым он и должен быть, если он действительно единственный посредник между Богом и людьми, 1 Тимофею 2:5. Он не какой-то второстепенный посланник, простой пророк, но Он Сам и Бог, и человек, Слово Божье, которое является той самой точкой, в которой мы можем созерцать Бога и жить. Во-вторых, оно защищает христианское откровение наилучшим возможным методом.

Это делает его недостижимым. Если это действительно правда, то это исходит от Бога, который сам не может быть проверен или испытан. Это должно быть самоуверяющим, не зависящим от какой-то меньшей помощи для его проверки.

Защищая Писания, например, мы сразу же выдаем свой страх, что они не исходят от Бога. Что касается Иисуса Христа, его можно проповедовать, и сама Декларация убедит, став событием откровения, если Дух позволит это. Одно из главных преимуществ, воспринимаемых при размещении откровения в первую очередь или даже исключительно в Иисусе Христе, заключается в том, что это позволяет нам найти правильный способ говорить о других претендентах на откровение.

Все можно измерить нашей оценкой его. В частности, это позволяет нам тепло и позитивно относиться к Библии, в то же время отдавая должное ее истинной природе. Даллас прав, предполагая, что роль Библии заключается в том, чтобы подтвердить откровение Иисуса Христа.

Библия сейчас чаще всего рассматривается как свидетель Слова Божьего. Это означает, что хотя Библию все еще можно называть Словом Божиим и чтить незаменимую роль, которую она играет в нашем пути к Иисусу Христу, мы не рискуем отождествить ее с Богом, что она обязательно примет характер самого Бога. Позже я покажу в Псалме 119, что Господь использует те же самые прилагательные для описания себя и Слова Божьего.

Интересно. Считается, что таким образом мы избегаем как библиопоклонства, так и неподобающего почитания Библии, а также опасности того, что то, что считается устаревшей историей и наукой Библии, может оказаться ненужным камнем преткновения для веры. Оценка.

Ладно, мы всколыхнули воду. Мы, полагаю, потрясли не один лес, начиная с Вольтера и других, честно говоря, еретиков: Дэвида Юма, боже мой, величайшего скептика.

Оценка. Сначала мы должны сказать, что рассказ об Откровении, частично изложенный выше, является значительным интеллектуальным и теологическим достижением. Были времена, когда казалось, что сама христианская вера как интеллектуальная конструкция исчезнет.

Казалось, что Библия, подвергшаяся критике, не могла бы сохранить какой-либо авторитет, и всякое подобие ортодоксальности в отношении христианства или Троицы, похоже, тоже исчезло. Утверждая центральность Христа, как это подтверждается Библией, сторонники вышеизложенных взглядов смогли

вернуть доктрину Троицы в самый центр христианской веры. И мы можем сказать на это аминь.

Когда мы видим и принимаем Христианское Откровение, мы знаем, что это работа самого Бога, что Иисус Христос есть Слово Божье, и что действие Откровения — это, в частности, работа Духа Божьего. Это означает, что когда мы погружаемся в Откровение, мы обязательно вовлекаемся в триединого Бога. Вот, действительно, версия христианской веры, которую можно проповедовать.

Это не о нас, а о Боге и о доброй вести о том, кто он есть и что он сделал. Это чтит Бога за то, кто он есть, и пытается бороться с критикой Фейербаха, что христианство — это просто антропология в широком смысле. Философ Фейербах сказал, что наши идеи о Боге — это проекции наших собственных мыслей, особенно о нас самих, на это предполагаемое божество.

И все же, даже если Откровение было реабилитировано таким образом, является ли оно полностью успешным в воздаянии должного познанию Бога? Я не думаю, говорит Питер Дженсен. Его евангельские полосы видны. В критических моментах есть симптоматическая неопределенность, которая оставляет нас без того рода знания, которое Библия заставляет нас ожидать.

Теологическим мыслителям удалось вернуть Бога в центр, удалось вернуть Бога в центр вещей, но они не сделали этого способом, который отражает природу наших отношений с Богом, как они найдены в Библии. Христианская вера, которая неспособна достичь отношений с Богом на тех же условиях, которые мы можем видеть в опыте авторов Писания, должна иметь сомнительную обоснованность. Мы можем проверить реальность современной реконструкции Бога, спросив, например, ставит ли она Бога в ту же позицию власти над жизнью верующих, которую мы видим предполагаемой и преподанной в Новом Завете.

Делает ли это откровение, о котором говорится в современной теологии? Если оно не удовлетворяет этому важному критерию, вряд ли можно сказать, что оно дает знание Бога, которое находится в ясной преемственности со знанием Бога, упомянутым в Писании. Однако разве не является так, что, как и вся современная мысль, само богословие отражает понятие человеческой автономии по отношению к Богу? Соответствует ли вера современной теологии вере Нового Завета? Современное описание откровения содержит в себе так много истинного, особенно акцент на Иисусе Христе, что в некоторой степени на этот вопрос можно ответить утвердительно. Но в описании есть также фундаментальный недостаток, который приводит к другому выводу.

Первые верующие не считали Писание свидетелем Слова Божьего, а скорее Словом Божиим. И, следовательно, сама вера неизбежно должна была принять

форму, отличную от их. Они использовали слово «свидетель», но это было одним из качеств апостола.

Когда мы говорим об апостолах, мы используем другую и более авторитетную категорию. Использование некоторых ученых Иоанна Крестителя в качестве образцового свидетеля интересно. Он не был апостолом.

В каждом из трех основных элементов реконструкции Откровения ключевое значение имеет нежелание сделать Писание Словом Божиим. Это водораздел. Это формирует характер достигнутых выводов.

Позвольте мне проиллюстрировать. Откровение, как нам говорят, это деяние Божие, событие. Так оно и есть.

Но нет необходимости ограничивать рассматриваемые события, заявляя a priori, что произнесение речи не является событием, имеющим долгосрочные последствия. Великие деяния Бога во всех рассказах, из которых мы узнаем, что эти деяния были совершены, включали великие деяния речи, как на горе Синай. Более того, часто указывалось, что деяния Бога непонятны без сопровождающего их толкования слова.

Что еще более фундаментально, нет необходимости ограничивать событие, решая, что его эпизодическая природа может найти свое разоблачительное воздействие во времени, в которое оно происходит. Напротив, даже если конкретное откровение является конкретным событием, и мы не затронули здесь возможность того, что откровение может быть не столько эпизодическим, сколько постоянным, как солнце, луна и звезды, оно вполне может продолжать иметь текущую жизнь через слова, которые его описывают. Тайна, однажды раскрытая, остается тайной раскрытой.

На самом деле, христианство по своей природе по сути является обещанием. Тогда идея, что в откровении мы имеем неуловимые эпизодические речевые акты Бога, предназначенные, хотя и для сохранения свободы Бога, умудряется поставить под угрозу его верность в речи. Еще раз, христианство по своей природе по своей сути является обещанием, если это правда, что, как утверждает Гентиан, так и есть.

Затем, идея, что в откровении мы имеем неуловимые эпизодические речевые акты Бога, предназначенные, хотя и для сохранения свободы Бога как Бога, умудряется поставить под угрозу его верность в речи. Во-вторых, описание откровения, которое я описал, благоприятствует идее самоотдачи. Никто не может отрицать, что эта концепция пытается уловить важную истину, а именно реляционную природу христианской веры, и что порой вера страдала от чрезмерной формализации и интеллектуализации.

Но цель этого языка — явно дистанцировать откровение от его опоры на вдохновенный язык, сделать веру в человека приоритетной по сравнению с верой в слова. Однако даже в человеческих отношениях заслуживающий доверия язык является важнейшим путем, по которому приходит вера. Нам нужно доверять словам друг друга, и мы не проводим реального различия между доверием человеку и доверием словам этого человека.

Отношения без слов обеднены. Насколько же более обеднены должны быть отношения с невидимым Богом? Разве это не случай чрезмерно осознанной эсхатологии? В этой жизни мы ходим верой, а не видением или опытом, и предполагаемая самоотдача Бога говорит о непосредственности отношений, которые еще не наши. Я полагаю, что это равнозначно надежде, что мы можем заменить записанное Слово Божье чем-то, что будет справедливо для наших отношений с Богом, но что на самом деле несущественно.

Разве мы не живем также на теологическом и религиозном капитале, собранном у предыдущих поколений, у которых был другой подход к языку Библии? Например, можем ли мы действительно прийти к учению о Троице, анализируя Откровение, как предложено выше, или оно, на самом деле, возникает из точного языка Писания? В-третьих, это изложение Откровения фокусируется на Иисусе Христе. Как я уже заметил, теология, которая не имеет такого фокуса, вряд ли может быть христианской вообще. Однако, пытаюсь сохранить Откровение от критических нападок, проводится фундаментальное различие между Христом и словами, которые свидетельствуют о нем.

Как пишет Кит Уорд, «Писание, по крайней мере в христианской вере, состоит из набора человеческих свидетелей божественного откровения, а не из содержания самого Откровения». Но Христос, в которого мы возлагаем свое доверие, должен быть Иисусом Писания и никаким другим. В нашем вербальном доступе к нему есть особое качество, которое является незаменимым по происхождению и значению.

Вариант, который возлагает окончательное бремя откровения на Иисуса Христа, но дает доступ к нему через что-то иное, нежели вдохновенные слова, снова оставляет нас во тьме, где мы можем справедливо ожидать света. Это тем более верно, если мы привержены взгляду, что Откровение — это событие. Удовлетворяется ли вера только свидетельством этого события? Получил ли вполне правильный, вполне библейский и правильный язык слова и свидетельства неоправданный приоритет над более фундаментальным языком евангелия и апостола? Я решил прокомментировать только три темы недавнего протестантского богословия.

Обзор этого и других материалов приводит к двоякому выводу. Во-первых, проблемы, поставленные перед христианской верой Просвещением и его последствиями, ждут своего разрешения. Каждый элемент этой доктрины Откровения несет в себе досадное и несущественное разделение, рожденное в значительной степени из-за отрицания идеи, что слова Писания могут быть в каком-либо прямом и откровенном смысле Словом Божиим.

Как я уже указывал, задача восстановления этой позиции в пост-Просвещенном мире действительно колоссальна, но альтернатива не удалась. Во-вторых, был достигнут определенный прогресс, не в последнюю очередь в том, чтобы бросить вызов тем, кто изначально бросил вызов. Маркс, Фрейд, Вольтер, Юм и даже Кант больше не выглядят такими устрашающими, как когда-то.

Верно, что различные разногласия в церкви, особенно разделение между теми, чья стратегия либеральна, и теми, чья стратегия консервативна, остаются. Но ответственное написание Откровения отошло от более радикальных решений смерти Бога 1960-х годов. Некоторые темы, от которых отказалось предыдущее поколение, такие как пропозициональное Откровение, наконец-то начали получать серьезное внимание, и есть признание того, что основополагающие принципы культуры Просвещения являются как глубоко нехристианскими, так и глубоко бесчеловечными.

В нашей следующей лекции мы завершим историческое введение Питера Дженсена и начнем с библейского введения в доктрины Откровения и Писания.

Это д-р Роберт А. Питерсон в своем учении об Откровении и Священном Писании. Это сессия 1, Историческое введение, Дженсен, Откровение Бога, Просвещение и христианский ответ.